

«СОВРЕМЕННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ ДЕСТАБИЛИЗАЦИИ ОБЩЕСТВА»

ВВЕДЕНИЕ

Термин «технологии» [слайд 2] (от греч. «*techne*» – искусство, мастерство, умение; «*logos*» – понятие, знание) пришел в политику из производства и обозначает направленное воздействие человека или коллективного субъекта [слайд 3] на процессы и объекты с целью изменения их свойств, придания требуемых качеств.

[слайд 4]

1. ИНФОРМАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ ДЕСТАБИЛИЗАЦИИ

Формы информационного воздействия [слайд 5] весьма разнообразны и многоинструментальны. Их совокупность позволяет масштабировать деструктивные политические технологии, применяемые сегодня во многих странах мира.

[слайд 6] В настоящее время в информационном воздействии на общество применяются комплексы технологий и в белорусском уголовном законодательстве квалифицируются как пропаганда.

При этом технологии информационного воздействия многообразны и в зависимости от стоящих перед ними задач могут включать такие инструменты, как дискредитацию, отвлечение внимания и ресурсов, троллинг, модификацию [слайд 7]. К числу наиболее часто применяемых также относятся ярлыки, повторы, утверждения, размытие негатива, блокирование [слайд 8].

Важнейшим фактором успешной реализации технологий дестабилизации общества на сегодняшний день становится наличие у субъектов современных информационных средств и каналов коммуникации, сочетающих различные *техноэффекты* и *пси-эффекты*.

Среди техноэффектов [слайд 9] следует прежде всего выделить *скорость распространения информации*. Если информация попала в Интернет, она может быть моментально распространена любым заинтересованным лицом на теоретически неограниченное количество интернет-площадок разного рода (таких как сайты, блоги, форумы и ряд других).

Второй техноэффект связан с *отсутствием границ и расстояний*, поскольку интернет является наднациональной гиперсетью.

Третий эффект связан с тем, что информация в интернете может *храниться не ограничено долго*. Это позволяет дестабилизаторам существенно экономить силы и ресурсы на поддержание нужного информационного фона. Когда пользователь размещает информацию в Интернете, он зачастую утрачивает контроль над ней, даже не осознавая этого.

Четвертый связан с *анонимностью*, которая технически возможна. Она реализуется при помощи программ, специально предназначенных для прикрытия IP-адресов – анонимайзеры. По своей сути это прокси-серверы, созданные специально для предоставления анонимности в Интернете.

Что касается пси-эффектов, здесь необходимо упомянуть такие как *эффект первого впечатления* [слайд 10]. Сформированный и впечатанный в сознание масс устойчивый положительный образ политического деятеля способен перевесить выявляемые впоследствии недостатки и негативные качества данного лица. Напротив, черные технологии дискредитации объекта весьма сложно впоследствии опровергнуть.

Эффект стадности [слайд 11] представляет собой мощную форму группового мышления. Если в мирно пасущемся табуне лошадей испугать 5% особей и «пустить их в бегство», то весь остальной табун сорвется с места; если даже 5% светлячков случайно синхронно вспыхнут, то тут же будет вспышка целого луга. То же самое происходит и у людей. Так, цветную революцию 2011 года в *Египте* фактически сделали пользователи социальной сети Facebook, которых на тот момент насчитывалось всего 5,5 процентов населения.

Другим психологическим фактором, который всегда стремятся задействовать дестабилизаторы является *клиповое мышление*. [слайд 12] Оно представляет способ восприятия окружающего мира в виде мозаики, пазлов, когда в сознании формируется яркий, но фрагментарный и кратковременный образ, который тут же сменяется другими подобными образами.

Немаловажную роль среди пси-эффектов [слайд 13] играет социальность информации, которая преподносится как исходящая непосредственно от людей, а значит – из первых рук.

При этом наиболее современные технологии манипулирования массовым сознанием задействуют именно *визуальный эффект* [слайд 14]. Этот простой пример показывает несколько важных особенностей формирования нашего мнения и чьей-то репутации.

1. Как слабо защищен наш мозг от манипулирования.

2. Очень многое, если не все, зависит от того, какую информацию нам предоставляют.

3. [слайд 15] И как следствие – мы (наше мнение) стали очень зависимы от современных каналов передачи информации (Интернет, СМИ, ТВ...), которые в качестве устойчивой практики продуцируют фейки и дипфейки.

[слайд 16] DeepFake, DeepNude, Deep... – сегодня все чаще слова с данным корнем встречаются на экранах ТВ или в заголовках статей и блогов. Подобный резонанс является следствием наводнения интернета огромным количеством роликов, где политики, бизнесмены, актеры и лидеры общественного мнения допускают высказывания и совершают поступки, на которые в здравом уме они вряд ли решились бы.

Необходимо отметить, что «Дипфейк» [слайд 17] – это не просто поддельный медиа-контент, а материал, созданный компьютерным алгоритмом из огромного количества медиа-фрагментов. В общем случае это управляемый искусственным интеллектом механизм замещения лица одного человека лицом другого человека *путем машинного обучения*. Данная технология позволяет создать поддельный контент неотличимый от оригинала традиционными средствами экспертизы.

[слайд 18] Вышеперечисленные технологии и приемы информационного воздействия являются компонентами конкретных направленных операций деструктивного информационного воздействия, что требует наличия постоянной системы реагирования [слайд 19].

Изложенное ставит вопрос о мерах противодействия и реагирования деструктивным влияниям [слайд 20]. К числу первоочередных относятся: мониторинг информационного поля с анализом возможных негативных последствий, реализация мер по минимизации негативных последствий информационного воздействия на общество.

[слайд 21] В частности, целями мониторинга информационного поля являются: выявление угроз и возможностей, контроль изменений ситуации, изучение тактики действия оппонентов и др. При этом изучаться могут различные элементы: сообщения с их атрибутами; внедренные объекты (ссылки, картинки, файлы); данные по источникам и др.

[слайд 22] Примерный алгоритм анализа в обобщенном виде может быть представлен ответами на четыре вопроса: Какая тема эксплуатируется? С помощью чего осуществляется воздействие на аудиторию? Кто является целевой аудиторией? Как можно нейтрализовать деструктивное воздействие? [слайд 23]. В некоторых странах применяется внедрение системы общественного контроля за Интернет-медиа (бдительный гражданин) [слайд 24]. Определяющую роль в вопросах мониторинга будет играть использование «умных» систем, позволяющих осуществлять техническую аналитику [слайд 25].

Недостаточная эффективность медийного противодействия деструктивным влияниям связана с рассогласованием между каналами воздействия и аудиторией, на которую ведется трансляция. Так, информационное сопротивление со стороны прогосударственных сил осуществляется главным образом через «традиционные» СМИ (печать и государственные телеканалы), тогда как основная масса протестной аудитории «живет» в Telegram и YouTube и БТ просто не смотрит.

Для того, чтобы говорить с аудиторией на «одном языке» необходимо «подстраивание» под слой «пирамиды потребностей» протестной массы [слайд 26]. В частности, государство ставит себе в заслугу то, что им удовлетворены базовые потребности человека (никто не умирает с голоду, обеспечена продовольственная безопасность, жилье и т.п.). В то же время запрос протестующих лежит в другом, более высоком уровне «пирамиды» (потребность в принадлежности к группе, сопричастности, самореализации). «Нестыковка» уровней потребностей влечет за собой разговор «слепого с глухим».

Главную роль в противодействии современным технологиям дестабилизации является осуществление мониторинговых мероприятий, которые позволяют прогнозировать сценарии развития событий. Комплексное реагирование на которые может быть обеспечено за счет совершенствования защитных, упреждающих, в том числе правовых и информационных, мер, нацеленных на выработку в обществе иммунитета против технологий дестабилизации, их нейтрализацию. Здесь необходимо максимальное участие законодательной власти, идеологической вертикали, государственных СМИ, органов и организаций, занимающихся информационным обеспечением государственной политики.

2. СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ИНСТРУМЕНТЫ УПРАВЛЕНИЯ МАССОВЫМИ ПРОТЕСТАМИ (НА ПРИМЕРЕ БЕЛОРУССКОГО ИНФОПОЛЯ)

Мониторинг практических приемов информационного воздействия на примере белорусского информационного поля позволяет выделить ряд особенностей и закономерностей [слайд 27].

Для того, чтобы тот или иной информационный ресурс «набрал» нужный вес (социальный капитал) и вместе с ним манипуляционный потенциал, реализуется пошаговый алгоритм его «раскрутки», включающий обычно пять-шесть шагов.

[слайд 28] **Шаг первый** – создание информационного ресурса. Например, YouTube или Telegram-канала, публикующего «инсайды», «сливы», а то и вообще «то, что скрывают». Запретное по-детски привлекательно и обеспечивает ресурсу первый, пока небольшой, круг

подписчиков. Канал пока мало кто знает и в таком «полуспящем» режиме он может функционировать до нескольких лет.

Шаг второй – быстрое расширение аудитории. Выход за рамки «своих» подписчиков осуществляется за счет публикации громкой новости, желательно криминального характера (в СМИ негатив всегда больше востребован, чем позитив). Примером может послужить популярный Telegram-канал «NEXTA», который резко «поднялся» на публикации фото погибшего могилевского милиционера. [слайд 29] Нашлась аудитория (в основном могилевская, как показал Google Analytics), которой интересно посмотреть на труп. Таким образом **отрабатываются два первых запроса** аудитории, лежащих на уровне примитивного коллективного сознания – запрос на «запретное» и запрос на «жесть» (кровь, насилие, аварии, ЧП и т.д.). Как результат – резкое увеличение количества подписчиков ресурса [слайд 30].

Шаг третий – самый важный – получение доверия [слайд 31] . Достигается за счет налаживания «обратной связи», когда возможность в один клик переслать ресурсу ту или иную новость создает приятную иллюзию собственной значимости и причастности к «топу». На этом этапе **применяется уже жесткая «привязка» аудитории** к ресурсу за счет эксплуатации потребностей более высокого уровня, чем стадные инстинкты. Игра ведется на равнодушии людей, апелляции к несправедливости, стремлении к сопричастности, активизму, самоорганизации.

В некоторых случаях подобные ресурсы становятся своеобразным «телефоном доверия», куда люди обращаются в надежде решить беспокоящие их проблемы или поделиться наболевшим. При этом важно заметить, что в ресурсе до данного периода практически отсутствует политическая повестка либо озвучивание интересов конкретных сил. Это способствует формированию устойчивой веры аудитории в то, что ресурс представляет ее интересы и они делают «общее дело».

Шаг четвертый – наращивание аудитории и фокусировка сигнала. Реализуется та же тактика, что и на предыдущем этапе (игра на чувстве справедливости и потребности самореализации), однако ресурс выступает уже не ретранслятором сигналов, а их преобразователем. Работает преобразование сигнала просто: от бытовой проблемы к политической повестке и трансляции интересов определенных сил [слайд 32].

Например: «У жителей улицы Иванова проблема: во дворе прорвало канализацию». Далее идет преобразование сигнала, в котором может быть два варианта: реклама («Для неповторения подобных случаев покупайте более прочные трубы фирмы АБВГД») либо политическая повестка: «В

вашей проблеме виноваты сантехник/ градоначальник/ министр/ правительство/ парламент/ президент» (выбрать нужный шаблон).

В итоге человек пребывает в уверенности, что: а) его услышали и проблема будет решена (потребность в защите и безопасности), б) он приобщился к «топовому» каналу (потребность в принадлежности к группе), в) мы видим виноватого, повышая тем самым собственную значимость (потребность в самореализации и признании).

Отработана вся «пирамида потребностей» человека, критическое сознание отключено, ресурс становится «народным». С этого момента аудитория превращается в послушный инструмент достижения нужных ресурсу целей.

[слайд 33] **Шаг пятый** – целенаправленная работа с общественным сознанием, «якорение» политической повестки. Инструмент манипуляции остается прежним – преобразование сигнала от бытовых вопросов к политическим.

Шаг шестой – непосредственное управление. Реализуется через подачу прямых команд: «направо», «налево», «включить», «выключить». Масса людей будет с воодушевлением двигаться «из пункта А в пункт Б», свято веря в то, что каждый из присутствующих принял это решение самостоятельно, собственным душевным порывом и им никто не управляет [слайд 34].

После шестого этапа наиболее вероятным сценарием развития ресурса становится его монетизация (продажа или зарабатывание на рекламе). В то же время последующая смена выгодополучателя или «хозяина» аудитории – это уже процессы, которые, как правило, остаются «за кадром» для аудитории, а ресурс продолжает работать с другими целями и задачами.

[слайд 35]

3. ЦВЕТНЫЕ РЕВОЛЮЦИИ: ДЕСТАБИЛИЗАЦИЯ ЧЕРЕЗ «ДЕМОКРАТИЗАЦИЮ»

Цветные революции представляют собой смену власти, осуществленную заинтересованными силами при значительной поддержке населения внутри страны и с широким использованием технологий управления массами. В основе цветных революций лежит тезис о необходимости демократизации государства. Курс на демократизацию был взят коллективным Западом во главе с США сразу после распада Советского Союза.

[слайд 36] Администрация Билла Клинтона вынесла на повестку дня в 1990-х годах две идеи, заложившие новое видение международных отношений. Во-первых, объявлялась желательность повсеместного продвижения демократии, провозглашенной наилучшей формой государственного устройства. Во-вторых, внимание концентрировалось на гуманитарных интервенциях – интервенциях, направленных на обеспечение безопасности затронутых внутренними конфликтами людей. Появившаяся концепция «безопасности человека» предполагает вместе с физической безопасностью также и политическую, экономическую, экологическую, медицинскую, продовольственную и т.д. В конечном счете эти идеи переплелись настолько тесно, что стали двумя сторонами одной медали. Декларировалось, что в полной мере «безопасность человека» обеспечена только при демократическом строе.

[слайд 37] Первоначально формой вмешательства США во внутренние дела других государств были интервенции, в рамках которых гуманитарные цели переплетались с политическими. Всего в 1990-е – начале 2000-х годов Вашингтон под разными предлогами и в разных обстоятельствах осуществил интервенции в Сомали, Гаити, Боснию и Герцеговину, Югославию, Афганистан и Ирак. После вторжения 2003 года в Ирак администрация Джорджа Буша-младшего поставила амбициозную цель модернизации Ближнего Востока через его демократизацию. В июне 2004 года соответствующую декларацию представили на саммите «Большой восьмерки» под названием «Партнерство во имя прогресса и общего будущего с регионом «расширенного» Ближнего Востока и Северной Африки».

[слайд 38] Возможность осуществления интервенций под эгидой благородных мотивов прорабатывалась и на международной арене. Вместо разработанных в XX веке теорий суверенитета, строившихся на принципе невмешательства во внутренние дела других государств, предлагается идея «суверенитета как ответственности» [слайд 39]. Она продвигается через концепцию «Обязанность защищать» (R2P), принятой Генеральной ассамблеей ООН в 2005 году и окончательно сформулированной в докладе Генерального секретаря Пан Ги Муна от 12 января 2009 года.

Руководству страны вменяется в обязанность «защищать свое население от геноцида, военных преступлений, этнических чисток и преступлений против человечности». Если оно с этим не справится, то ответственность делегируется международному сообществу, которое должно защитить (через Совет Безопасности и согласно Уставу ООН) находящееся под угрозой население. Внешнее вмешательство во

внутренние дела Ливии в 2011 году в западном экспертном сообществе позиционировалось как воплощение R2P в жизнь.

Настаивать на переопределении понятия суверенитет стали и в США. [слайд 40] «Слабеющее государство не может управлять своими гражданами и обеспечивать им то, что государство должно обеспечивать» – утверждал советник по национальной безопасности в администрации Джорджа Буша-старшего Brent Scowcroft. Данный тезис нашел свое отражение и в официальных документах сверхдержавы [слайд 41]. В обнародованной в марте 2005 года Национальной оборонной стратегии США указывается на недопустимость использования отдельными государствами принципа суверенитета в качестве оправдания тех действий, которыми они угрожают собственным гражданам, соседям и международному сообществу.

Однако издержки интервенций оказываются слишком высокими. Риски людских и материальных потерь, связанных с вторжением в другие государства, вызвали споры внутри общества насчет целесообразности интервенций. Нападение на другие страны без согласия международного сообщества, как это было в случае Ирака, провоцирует конфликты не только с традиционными оппонентами Вашингтона в лице России и Китая, но и с союзниками по НАТО (Германия, Франция). В свою очередь ответственность за происходящее ложится на США. Их имидж на международной арене и внутри страны ухудшается, если оказывается, что сверхдержава не способна стабилизировать ситуацию и обеспечить переход подвергшихся интервенции государств к полноценной демократии.

В такой ситуации на смену интервенциям пришли цветные революции. Их поддержка стала константой внешней политики коллективного Запада. [слайд 42] Движущей силой революций часто были уже не обездоленные и страдающие от нищеты люди, но обеспеченные слои городского населения, притязавшее на большее, чем они имеют сейчас. В авангарде революций можно увидеть креативный слой общества, людей с более высоким уровнем образования и дохода, молодое поколение, прежде всего, студентов и выпускников вузов, представителей сферы услуг, частного бизнеса, IT-сферы.

Помимо апелляций к достоинству и демократии антураж цветных революций состоял и из других элементов. Наиболее типичные из них: экономический пессимизм, порождаемый последствиями мировых кризисов, высокий уровень развития информационных технологий, обеспечивающий мобилизацию масс и выход их на улицы, повышенная активность негосударственных структур, «независимых» СМИ и лидеров мнения, создававших атмосферу революции, готовность части общества к

самоорганизации в борьбе против государства, зрелищность протеста, смешивающие политику с развлечением и притягивающие публику.

[слайд 43] Многочисленные цветные революции показали, что свержение правителей, в сущности, мало что меняет. Люди, которых на улицу вывело желание улучшить уровень жизни и достигнуть такого же материального благосостояния, как на Западе, и искренне считавших, что этот процесс тормозят их правители, не стали жить лучше.

Приведем в качестве примера Египет, где в 2011 году свергли 82-летнего президента Хосни Мубарака. Следующий день после его отставки ознаменовался отменой Конституции и роспуском парламента. К власти пришли военные в лице Высшего совета Вооруженных сил. Во главе находился египетский министр обороны генерал Мухаммед Хусейн Тантави, по словам американских дипломатов – «твердолобый консерватор, который еще больше, чем Мубарак, нацелен на сохранение статус-кво». Совет получил практически неограниченную власть, а серия «переходных» законов предоставила армии, помимо всего прочего, иммунитет от судебного преследования и право вето на «противоречащие высшим интересам страны» положения конституции. Ставшего летом 2012 года президентом представителя «Братьев-мусульман» Мурси в июле 2013 года отстранили от власти, а в сентябре 2013 года «Братья-мусульмане» были запрещены.

Существует три основных сценария развития страны в постреволюционный период:

1) Нивелирование демократических достижений и возвращение «на круги своя», как это произошло в Египте;

2) Затяжной гражданский конфликт и угроза распада целостности страны, примером чему стали Ливия, Сирия и украинский «евромайдан» 2013–2014 годов.

3) Переход к «демократии» либо смена власти в рамках прежней модели без ощутимых прорывов и прогрессивного развития (украинский майдан 2004 года).

[слайд 44] Об уровне жизни в странах победивших революций позволяет судить их место в международных рейтингах, наиболее авторитетным из которых является Индекс человеческого развития ООН. Беларусь в нем в 2019 году заняла 50 позицию, что выше, чем у Болгарии или Румынии, ставших на 52 позицию. Страны же, где цветные революции состоялись, далеко отстают от Беларуси. Грузия находится на 70 позиции, Армения – на 81, Украина – на 88, Кыргызстан – на 122 [слайд 45].

Таким образом, результаты демократизаций, осуществленных Западом в других государствах, не дают оснований для оптимистичных прогнозов. Вместо молодых, процветающих и экономически

благополучных демократий мир наблюдает парад квазидемократий со «свободой», но без «экономики».

На сегодняшний день «цветные технологии» значительно модифицируются, в том числе за счет информационной, цифровой и социальной составляющей.

Примером из современного зарубежного опыта может служить **Гонконгский протест**, который является самым высокотехнологичным за последние годы [слайд 46]. Эффективным **инструментом масштабирования протестов являлась цифровая среда**, ставшая основным пространством для продвижения политической повестки. Через телеграм-каналы (пользуются 1,7 млн человек – 23% жителей города) происходили мобилизация участников и управление уличными акциями. Новые коммуникационные технологии позволили заменить традиционные СМИ и стать агрегатором новостей и политических требований.

Именно соцмедиа стали направляющим инструментом эмоциональной волны протестов в Гонконге. При этом, по сравнению с гонконгской «Революцией зонтиков» 2014 г., соцмедиа-инструменты изменились: вместо соцсетей Twitter и Facebook на первый план вышли мессенджеры (программа для мгновенного обмена сообщениями через Интернет). Их преимущество состоит в **использовании шифрования, значительно усложняющего идентификацию пользователей**.

В целом в Гонконге **реализован уникальный алгоритм цифрового сопровождения массовых акций**, который можно условно разделить на пять этапов [слайд 47].

На **первом этапе** идеи протестов обсуждались анонимными блогерами на интернет-форуме LNKG, который насчитывает 120 тыс. участников и позволяет фильтровать иностранцев и жителей материкового Китая за счет специального режима регистрации. Это обеспечивало определенную защиту от проникновения на электронную площадку фейковых аккаунтов китайских спецслужб.

На **втором этапе** «посеянные» на форуме идеи подхватывались с помощью оппозиционных телеграм-каналов, устраивающих массовую рассылку призывов с использованием фотографий, карикатур и иных дизайнерских методов. В качестве специального «шифра» протестующие при общении использовали образы Винни Пуха и Пятачка, символизирующие главу Китая Си Цзиньпина и главу администрации Гонконга Кэрри Лам.

На **третьем этапе** использовались инструменты, обладающие большей надежностью и устойчивостью по отношению к возможному блокированию сети Интернет. Наибольшее применение для координации протестной активности имели мобильные приложения

FireChat и AirDrop, работающие по принципу «ячеистой сети» и функционирующие даже в случае отключения мобильной связи, Интернета или Wi-Fi.

На *четвертом этапе* после окончания шагов по формированию охвата и инфраструктуры управления осуществлялся переход к прямому модерированию протеста и распределению ролей его участников. Для этого применялось специальное мобильное приложение (HKmap.live), которое позволяет **отслеживать концентрацию сил правопорядка**, корректировать маршруты и места акций.

На *пятом этапе* для оперативной фиксации событий с одновременным вовлечением в процесс как можно большего количества наблюдателей активно использовался *стрим* (онлайн-трансляция) в Интернете, позволяющий добиться эффекта присутствия и транслировать фото- и видеoinформацию в массы до момента принятия властями мер по блокированию контента.

В качестве новой, успешно апробированной технологии использовался так называемый **цифровой экономический бойкот**, в рамках которого протестующие в соответствии с инструкциями организаторов переводили свои накопления и депозиты в криптовалюты. В результате цены на Bitcoin на местном рынке на 3-5% превысили его среднемировую стоимость.

Протесты в Гонконге стали примером **комплексного использования технологий, а также разработки специальных алгоритмов, применяемых во многих странах.**

Пандемия коронавируса лишь ненадолго прервала «эпидемию» многотысячных политических протестов, охвативших только в 2019 году, кроме Гонконга, более полутора десятка стран, в том числе Францию, Испанию, Чили, Ливан, Венесуэлу, Ирак, Эквадор, Алжир, Судан, Боливию. По мере ослабления сковывающего эффекта COVID-19 протестная волна возвращается с новой силой, распространяясь, подобно вирусу, и на другие страны, в том числе США.

Американский пример:

В США мирные протесты 2020 года против полицейского произвола оказались лишь поводом для разжигания антипрезидентских настроений. Многие протестующие превратились в банальных мародеров и мошенников. Спасаясь от них, часть магазинов Apple в разных городах США закрылась или отгородилась высокими стенами. Для легитимации погромщиков бенефициары американских протестов попытались смикшировать негативную ассоциативную привязку их действий, которые стали называть не мародерством, а таким новомодным термином как лутинг, подразумевающим борьбу за справедливость.

[слайд 48]

4. ТЕХНОЛОГИИ ДЕСТАБИЛИЗАЦИИ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ: БЕЛОРУССКИЙ КЕЙС

Объективный анализ электоральных и поствыборных событий в Республике Беларусь в 2020 году демонстрирует, с одной стороны, заимствование технологий из известного перечня шарповских шаблонов, но с другой – отчетливую белорусскую специфику, выходящую за рамки классических и апробированных подходов к реализации «цветных сценариев» в ряде государств.

Для понимания сути и механики дестабилизационных процессов в Республике Беларусь целесообразно провести их **пошаговый разбор**, выделив ряд условных **этапов**.

Нулевой (подготовительный) этап.

Неудавшиеся попытки «цветных революций» 2006 и 2010 годов в совокупности с негативно воспринятым белорусами «украинским майданом» 2013–2014 годов привели к смене подходов зарубежных стратегов на белорусском направлении. Осуществлен переход от технологий «прямого действия» к методам «мягкой силы»: создание независимых общественных платформ, реализация условно неполитических проектов, обучающие мероприятия, создание сети альтернативных (при этом не радикальных) медиаресурсов.

[слайд 49] Активная фаза наращивания организационной и медийной инфраструктуры протеста началась с 2017 года. Триггером послужили акции против Декрета № 3, распаковавшие дальнейшие процессы расширения социальной базы, географии и новых коммуникационных каналов белорусского протеста, в частности, сеть Ютуб-каналов [слайд 50] и Telegram-каналов [слайд 51]. Параллельно формировались точечные очаги затяжного противостояния по линии «власть – общественные группы», ярким примером которого стал регулярный протест против строительства аккумуляторного завода «АйПауэр» в СЭЗ «Брест» [слайд 52].

[слайд 53] **Первый (апробационный) этап.** Парламентская кампания

К старту парламентской избирательной кампании необходимые инструменты дестабилизации были сформированы и требовали точечной апробации накануне основной кампании – президентской. Такой «обкаткой» стали:

во-первых, выстраивание сетевого принципа работы специализированных Telegram-каналов с выраженным распределением ролей [слайд 54];

во-вторых, отработка механизмов вывода аудитории в офлайн. Примером служит попытка в предвыборный период вывода на площадь подписчиков наиболее популярного белорусского Telegram-канала NEXTA [слайд 55];

в-третьих, апробация новых форм активности в офлайне. Пилотным проектом выступил сформированный на период парламентской кампании «Молодежный блок», использовавший широкий инструментарий цифровой самоорганизации (современный интернет-сайт, Telegram-канал, группы в соцсетях), расширения социальной базы за счет эксплуатации «неполитической» повестки (тематика «отсрочек», «распределения», «легалайз», «328» и т.д.), внедрения креативных форм уличной демократии. После парламентских выборов проект был фактически свернут как отыгравший свою роль.

Важной особенностью парламентской избирательной кампании стала мультиплицирующая роль новых каналов и медиа, которые позволили, несмотря на непрофессионализм и низкую правовую грамотность большинства участников от оппозиции (наблюдателей, кандидатов, доверенных лиц и др.) транслировать в информационное пространство дискредитирующие власть меседжи.

В цепочке «радикальные активисты → коммуникационные каналы → общественное мнение» [слайд 56] именно второй элемент сыграл определяющую роль при формировании альтернативного смыслового поля. Но за счет очевидной слабости первого элемента данный эффект не стал всеобъемлющим.

[слайд 57] **Второй (настроечный) этап.** Межвыборный период.

В период мнимого затишья после завершения парламентской избирательной кампании оппонентами власти проводилась глубинная работа над ошибками, которая состояла прежде всего в накачке потенциала лидеров, особенно из числа новых лиц, которыми стали:

во-первых, блогер С.Тихановский, активизировавший вояжи по регионам, эксплуатируя имидж «борца за права народа» (перехват повестки у Главы государства)

во-вторых – председатель правления ОАО «Белгазпромбанк» В.Бабарико, существенно нарастивший узнаваемость за счет публикаций в СМИ на общественно-политическую тематику, а также сформировавший сеть подконтрольных виртуальных площадок (краудфандинговые платформы, социальные сети и др.).

Примечательно, что ни один, ни второй до «времени Ч» ни разу не заявили прямо о президентских амбициях. При этом отвлекающим маневром стала процедура «праймериз» по выборам «единого кандидата» от так называемой титульной оппозиции.

Параллельно в независимых СМИ и Telegram-каналах шла кампания по дискредитации власти с акцентом на «недостаточность» мер по борьбе с COVID-19 [слайд 58]. Апогеем стала информационная борьба с инициативой по проведению в Минске Парада в честь 75-летия Великой Победы.

Таким образом, в обществе культивировался запрос на новых лиц, которые бы не представляли ни власть, ни традиционную оппозицию.

[слайд 59] **Третий (стартовый) этап.** Официальное начало кампании

Сенсационное для многих выдвижение В.Цепкало существенно оживило изначально предсказуемую расстановку предвыборных сил, спровоцировав всплеск интереса к кампании со стороны обывателей.

Новым эмоциональным триггером, отодвинувшим на второй план экс-директора ПВТ, стало формирование инициативной группы В.Бабарико, которому удалось, используя новейшие онлайн-технологии (социальные платформы, Uber и др.), в рекордно сжатые сроки собрать более 9 тыс. сборщиков подписей [слайд 60].

Серию «неожиданных ходов» завершило появление в числе участников гонки четы Тихановских.

По итогам регистрации инициативных групп Президенту противостояла широкая палитра альтернативных лидеров, что создавало иллюзию множественности выбора (не только известные оппозиционеры, но и новые «менеджеры», экс-чиновники, «бизнесмены», «народные трибуны» и т.п.).

[слайд 61] **Четвертый (технологичный) этап.** Сбор подписей.

На данном этапе избиратель стал объектом мощного одновременного воздействия различного рода политтехнологических решений, заимствованных из различных «революционных кейсов» (гонконгский, украинский, прибалтийский, армянский, арабский и др.). Тактика политтехнологического микса проявилась в следующих примерах:

выстраивание очередей, в том числе за счет карусельного принципа (подписался – и снова «в хвост») – аналогия с прибалтийскими цепями солидарности;

перформансы по дискредитации образа Главы государства («Стоп-таракан» и пр.) – аналогия с гонконгскими технологиями обидного сравнения Председателя КНР с «Винни-пухом»;

гастроли по регионам (поездки С.Тихановского в поддержку выдвижения супруги) со сбором многотысячных демонстраций – аналогия с «шагающим» по Армении Н.Пашиняном;

всплеск «революционного творчества» (гимны и «песни свободы», граффити, символика и др.) – аналогия с механикой прихода к власти польской «Солидарности» [слайд 62];

трансформация фейков в мемы (пресловутые 3 процента, «миллионы» на счетах семьи Президента и т.п.) – аналогия с «иракской пробиркой»;

На данном этапе оппоненты власти использовали следующие **тактические преимущества**:

традиционная «фора» со стороны власти, по сути не проводившей полноценную публичную избирательную кампанию;

широкие возможности информационной работы с целевой аудиторией (через Интернет-СМИ, социальные сети, Telegram-каналы и т.п.), что позволяло фактически проводить завуалированную досрочную агитацию;

использование тактики «парада пикетов», позволяющей в одном месте сразу нескольким претендентам получить подписи избирателя.

[слайд 63] **Пятый (шоу-политический) этап.** Период регистрации кандидатов и предвыборной агитации.

На данном этапе политтехнологический винегрет дополнился методами и приемами шоу-политики, выразившейся в:

создании «объединенного штаба», воплотившегося в яркий и запоминающийся образ «женского трио» с соответствующими позитивными коннотациями («воины Светы», «Любим, можем, пераможем» и т.п.);

«парадном шествии» участниц тройки по городам страны [слайд 64] с созданием праздничной эйфорийной атрибутики (песни, фонарики, радостные эмоции, речевки-заклинания и т.п.);

массированном информационно-психологическом воздействии на избирателя посредством СМИ и мессенджеров в целях формирования предубеждения о «неизбежном падении» электоральной поддержки Главы государства.

Показательной явилась «война социологий», ставшей инструментом манипуляции общественным мнением и «якорения» в сознании населения заведомо провальных для власти результатов выборов. Наглядными примерами «фейковой социологии» (помимо мема о 3 процентах) стали:

20 июня 2020 года российская компания «Tazeros Global Systems» якобы на основе анализа 6,93 млн белорусских ip-адресов опубликовала

рейтинги лояльности кандидатов, согласно которым у А.Лукашенко оказалось 6,6%, В.Бабарико – 53%.

С июня 2020 года Telegram-канал «Трыкатаж» со ссылкой на источники в Администрации Президента Республики Беларусь еженедельно публикует «рейтинги» кандидатов. Последний пост на эту тему опубликован 21 июля, рейтинг главы государства обозначен на уровне 29%.

22 июля Telegram-канал «Дилетант» со ссылкой на «NEXTA» разместил «результаты телефонного опроса Gallup», согласно которому у А.Лукашенко 8,4%, у С.Тихановской – 65,4%.

В период голосования инструментами опровержения результатов выборов и данных экзит-поллов со стороны объединенного штаба должна была стать «цифровая» социология в виде интернет-платформы «Голос» (анонсированы возможности реализации «справедливого» цифрового голосования посредством использования ботов в мессенджерах Viber и Telegram и фотографий заполненного бюллетеня с двух сторон), создатели которой заявили о применении новых социологических методик фиксации результатов голосования.

[слайд 65] **Шестой этап (блиц-криг).** Подведение итогов выборов. Попытка майданного сценария.

Сразу после выборов оппонентами предпринята попытка реализовать украинский сценарий. Замысел состоял в одномоментном выведении на улицы белорусских городов десятков-сотен тысяч протестующих с последующим захватом административных зданий и культовых мест (для Минска – район Стелы «Минск –город-герой» с дальнейшим захватом Дворца Независимости) [слайд 66].

Триггером протестов в день выборов стали опубликованные предварительные результаты голосования, воспринятые частью социума как «нереальные». Подавление сценария с использованием широкого арсенала средств правоохранительных органов и частично отдельных подразделений Вооруженных Сил создало «побочный эффект» эскалации противостояния с обеих сторон, вовлечения в конфликт новых участников.

Под влиянием развернутой информационной кампании протест против итогов выборов фактически переродился в протест против насилия. К нему присоединились представители творческой интеллигенции, медики и учителя, ученые. Началась волна демаршей отдельных государственных служащих, сотрудников милиции, работников государственных СМИ и иных бюджетных организаций.

[слайд 67] **Седьмой (протестный) этап.** Поствыборная турбулентность.

Реакцией на жесткие действия силовиков стала неожиданная, разрывающая шаблон, смена тактики действий протестующих с

насильственных на показательно мирные действия – технология «растопить лед». Во многом здесь реализованы элементы армянского сценария («мирные многочисленные демонстрации, братания, цветы, белые одежды и т.п.). Предпринята попытка масштабирования протеста под предлогом «сакральных жертв» (американский сценарий).

Вторая половина поствыборной недели и последующие выходные дни ознаменовались небывалой массовостью, масштабностью и разноформатностью состоявшихся акций протеста. Множество каналов их инспирирования (использование мессенджеров, цифровых платформ, информационной сети каналов) придало протестным инициативам иллюзию «обезличенной энергии», не зависящей от воли лидеров. Здесь прослеживается аналогия с гонконгским кейсом. Показательным примером стала отработка технологий одновременного сбора в обозначенных местах, спонтанной смены маршрутов движения колонн, синхронных действий протестующих для пропуска спецтранспорта (машин скорой помощи и т.д.). Параллельно стало формироваться забастовочное движение, в которое последовательно вовлекались трудовые коллективы предприятий.

Вопреки ожиданиям, что при выходе на улицы 100-тысячных толп «власть рухнет» перечисленные действия, однако, не привели к ожидаемым оппозицией быстрым результатам. Безуспешность протестов приводит к разочарованию участников.

[слайд 68] **Восьмой (позиционный) этап.** Институализация и подрыв изнутри.

С момента проигрыша на выборах оппоненты власти приступили к активному формированию альтернативных структур (Координационный совет) с претензией на легитимность. Лицом протеста стала убывшая в Вильнюс С.Тихановская, позиционирующая себя в качестве «избранного президента Беларуси» (попытка разыграть венесуэльский кейс) [слайд].

На сегодняшний день политическое противостояние получило затяжной характер. Протестующие, получившие моральную поддержку Запада, не признают итоги избирательной кампании, требуют отставки А.Лукашенко, освобождения «политзаключенных», проведения новых выборов. При этом основной оперативной задачей оппонирующего лагеря на ближайший период выступает подрыв монолитности вертикали власти, силового блока, системы госСМИ. Ключевым элементом становится тактика высмеивания и десакрализация власти (активно использовалась в Украине и Гонконге), формирующая основу для массового неповиновения.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, в Беларуси имеют место признаки не классической, а гибридной цветной революции, сочетающая в себе элементы буржуазных, пролетарских, цветных и сетевых форм протеста.

Относительно буржуазного элемента, необходимо отметить, что имело место постепенное нарастание классовой сегрегации и противоречий – атрибутов классической буржуазной революции (увлечение доли среднего класса за счет мелких и средних предпринимателей и айтишников, с более высокой социальной мобильностью и свободных от дискурса патернализма).

Пролетарский элемент заключался в том, что активному протестному ядру удалось по касательной вовлечь рабочий класс. В частности, рабочие флагманов белорусской экономики: Минский тракторный, Минский автомобильный, Минский моторный, «Беларуськалий», «Белшина», «Гродно Азот» и другие стали на волне политических требований устраивать забастовки. Данная картина ассоциируется не с городским образованным средним классом, сидящим, как известно, на печеньках от Сороса и Макфола, а, скорее, с ситуацией, когда на сцену внезапно взошел Карл Маркс с «Капиталом» в руках.

Элементы цветной революции, связанные с внешней управляемостью и созданием искусственной политической электризации, реализовались посредством таких инструментов, как вертикально управляемые Telegram-каналы (такие как NEXTA live, БГМ, Мая краіна Беларусь); финансовую «интервенцию» Еврокомиссии в размере 53 миллиона евро; подготовленные и управляемые боевые группы, такие как околофутбольный клуб МТЗ-РИПО, ультранационалисты, получившие опыт боевых действий в процессах украинского Майдана и прочие).

Элементы децентрализованной сетевой самоорганизации «снизу» реализовывались при помощи региональных Telegram-каналов, фондов помощи протестующим таких как Bu_help, BYSOL, платформы «ИМЕНА», организаций, оказывающих услуги бесплатной медицинской помощи и т.д.).

Таким образом, в отличие от прежних попыток реализации «цветных сценариев», которые в силу своей шаблонности блокировались относительно легко, «белорусский кейс» 2020 года» представляет собой сплав из наиболее эффективных технологий дестабилизации, получивших апробацию в разных странах. Очевидна ставка на масштаб и длительность протестов, изматывание ресурсов системы реагирования. В этих условиях государству важно выработать комплексные подходы, позволяющие задействовать весь инструментарий работы с обществом, включая коммуникативные и информационные методы, выстраивание новой

общественно-политической инфраструктуры, позволяющей направлять энергию социальных групп в позитивное русло.

Материал подготовлен Белорусским институтом стратегических исследований [слайд 70]